

Социологи и церковные модернисты сразились в арифметике

ВЦИОМ провел очередной опрос населения на предмет определения числа православных среди россиян. Основным результатом, как всегда, стал значительный разрыв между числом тех, считает себя православным, и тех, кто является таковым по объективным критериям, а именно, соблюдению церковного Устава (70 и 10 %, соответственно). То есть, критерий социологического исследования полностью соответствовал аналогичному критерию Церкви. «Тот, кто постов не соблюдает, не христианин, кем бы он сам себя ни называл», как сказал св. Серафим Саровский, потому что это прописано в правилах Вселенских соборов. А считать себя при этом можно хоть мессией, или пророком и апостолом, как Достоевский.

На это церковные либералы как «протестанты восточного обряда», конечно, нашли, что возразить. Потому что социологи в своем исследовании, повторим, как добросовестные ученые, использовали подлинную, или объективную меру причастности человека Церкви, а именно, ее собственный Устав. А так как модернисты это, по определению, те, кто оппозиционирует церковной традиции (канонам, догматам, Священному Преданию), поэтому они и вступили в полемику с социологами, приняв их за православных фундаменталистов, то есть, услышав в аргументации ВЦИОМа чуждые им принципы Ортодоксии как таковой, императив церковных канонов, в частности.

«"...неверно выстраивать противопоставление между количеством и качеством верующих исключительно по формальным оценкам. Тот же самый "индекс воцерковленности" — внешний маркер", — говорит доцент Московской духовной академии протоиерей Павел Великанов» ([РИА-Новости](#)).

Но в том-то и дело, повторим, что методика подсчета социологического вопроса была взята из традиционного подхода самой Церкви. «Исследователи, как правило, опираются на такой критерий, как воцерковленность. Иными словами, смотрят, как верующий участвует в церковной жизни. Например, постится ли, часто ли посещает богослужения, исповедуется и причащается. Статистические данные, однако, показывают: таковых немного» ([РИА-Новости](#)).

Поэтому когда церковный реформатор возражает на это тем, что это, дескать, «внешний маркер», он, тем самым, лишний раз свидетельствует, что сам находится на каких-то «внешних» церковным канонам позициях. Поэтому мы слышим в его возражении стандартный аргумент, или штамп богословского модернизма: каноны и догматы Церкви – это «формальные» критерии Православия («мертвая схоластика»), которое «на самом деле» целиком и полностью находятся «внутри человека». Соответственно, все те, кто церковный Устав не соблюдает (как и сам модернист), не признавая его авторитета над собой, это и есть «истинные христиане», у которых «Бог в душе».

«"Поэтому, — заключает отец Павел, — повышение процента тех, кто

регулярно соблюдает посты и участвует в службах, вовсе не отражает качества веры как таковой"» ([РИА-Новости](#)).

То есть, участие в таинствах и даже само духовное содержание жизни человека никак не отражается на его духовном состоянии. Чисто гностическое учение. Благодать таинств не играет особой роли в духовной жизни. Человек имеет источники «жизни по Духу», или «по Христу», в самом себе. Поэтому и грех не так страшен, как его малюют Священное Писание и Предание. Подлинное «содержание» («качество») духовной жизни известно только самому человеку, для которого и над которым нет никаких «внешних» систем координат и мерил.

«Прежде всего важен факт крещения по православному обряду. Второй критерий более широк. Он означает, что верующий соотносит себя с культурой, ядром которой выступает Русская православная церковь"», — уточняет председатель учебного комитета РПЦ протоиерей Максим Козлов» ([РИА-Новости](#)).

В более радикальных формах нового гностицизма для спасения не требуется и крещения. Здесь же, в более умеренной форме модернизма (условно – пелагианской), роль благодати (таинств) минимизирована и сведена к крещению, которого оказывается достаточно для того, чтобы быть православным христианином. «Духовенство, правда, отмечает: многие из тех, кто причисляет себя к православным, не ведут соответствующий образ жизни. Но это вовсе не плохая новость.

"Речь о нашей потенциальной пастве. Возможно, они намереваются прийти в храм и у них нет предубеждений насчет Церкви. Выходит, это та самая часть наших граждан, которая в любой момент из пассивных верующих может стать активными"», — говорит протоиерей Павел Великанов» ([РИА-Новости](#)).

Что и означает, что грех («не соответствующий образ жизни») «это неплохо», как всегда в гностицизме. Духовная жизнь – это вообще «процесс органического развития», где греховная жизнь переходит в христианскую постепенно, эволюционным путем. Поэтому, даже не относясь к церковной «пастве», «верующий» все равно «потенциально» принадлежит к Церкви (на каком-то астральном уровне). Человеческое (естественное и противоестественное, греховное) переходит в христианское (богочеловеческое, благодатное, сверхъестественное, святое) посредством диалектического развития. Именно потому, что «потенция» второго находится в самом естестве, в самой природе человека. Поэтому между Церковью и миром (православными и еретиками, верными и неверными, святостью и грехом и т.д.) нельзя провести четкой границы. «В любой момент» второе может стать первым, потому что имеет силу («энергию») для этого в самом себе. В Церкви такой силой является только божественная благодать, подаваемая в таинствах. В новом гностицизме эта сила имманентна человеку. Поэтому не только все живущие в ареале «православной культуры», но каждый человек по своей природе является криптохристианином и «в любой момент» может начать реализовывать свой внутренний богочеловеческий «потенциал». Поэтому там, где для социологической статистики и

традиционного Христианства «дважды два ровно четыре», для новой, диалектической ортодоксии («суммы теологии» церковного модернизма) это может быть и пять, и десять, и все сто.

«Человеку, по искуплении его, предоставлена свобода в избрании добра и зла, как она была предоставлена ему по сотворении. Человек, как по сотворении избрал, так и по искуплении избирает большею частью зло. Посреди рая явилось зло облеченным в личину добра, для удобства к обольщению: оно является в недрах Святой Церкви прикрытым и разукрашенным, в приманчивом разнообразии соблазнов, называя их невинными развлечениями и увеселениями, называя развитие плотской жизни и уничтожение Святого Духа преуспеванием и развитием человечества. Человецы будут растлени умом [2 Тим. 3:8], по причине благоволения их неправде [2 Фес. 2:12], неискусни в вере, имущии образ благочестия, силы же его отвергшиися [2 Тим. 3:8]. Для получивших эту силу и произвольно отвергших ее трудно возвращение ее [Евр. 10:26] по причине утраты самого благого произволения, что непременно следует за намеренным пренебрежением дара Божия. Образ благочестия могут кое-как слепить ухищрения человеческие; но восстановление силы благочестия принадлежит Тому, Кто облачает человека силою Свыше [Лк. 24:49]. Состарившееся изветшавшее дерево нередко бывает покрыто и украшено густым покровом зеленых листьев, еще выражает объемистым стволом крепость и здравие; но внутренность его уже истлела: первая буря сломит его» (свт. Игнатий (Брянчанинов). Аскетические опыты. О монашестве / Полн. собр. твор. святителя Игнатия Брянчанинова. М., «Паломник», 2014. Т.1. С.497-498).

Александр Буздалов